

НАЦИОНАЛИСТЫ И УКАЗ 9 НОЯБРЯ 1906 Г. В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Самара. Самарский государственный университет

Указ 9 ноября 1906 г. поступил на обсуждение в общее собрание Думы 23 октября 1908 г. Прения по содержанию указа 9 ноября превратились в прения по всему аграрному вопросу. В отечественной историографии не существует однозначной оценки столыпинской аграрной реформы. В то время как одни исследователи утверждают, что главная идея преобразований Столыпина заключалась в создании слоя крепких крестьянских хозяйств, другие говорят, что основным содержанием реформы «была ставка на форсированную ломку общины и насаждение крестьянской частной собственности на землю».

Акцентируя внимание на тех или иных сторонах реформы, и современники Столыпина, и исследователи сходились, пожалуй, в одном – в оценке масштаба преобразований, задуманных премьером. Реформа должна была перевернуть страну. Это был выбор пути, по которому пойдет Россия. Поэтому этот вопрос так остро воспринимался обществом.

Докладчик земельной комиссии октябрист Шидловский в своем выступлении перед депутатами говорил о том, что община представляет явление отрицательное, поэтому, заключал он, «мы отнеслись к указу 9 ноября благоприятно ибо это есть указ, который имеет целью способствовать насаждению личного землевладения...». Споры, развернувшиеся вокруг указа 9 ноября, показали, что противники законопроекта есть и справа, и слева. Шингарев и другие ораторы кадетской фракции доказывали, что закон этот насильственно разрушает общину и обездоливает слабое крестьянство в пользу сильного. С критикой аграрных преобразований правительства выступили многие крестьяне, принадлежавшие к разным фракциям: оппозиционным, правым и октябристской. Однако негативное отношение к реформе обнаружили далеко не все. Спор о столыпинском землеустройстве разделил думскую фракцию правых на его противников и сторонников. Против постоянно высказывались В.А. Образцов и Г.А. Щечков, в то время как большинство фракции во главе с Н.Е. Марковым и В.М. Пурлишкевичем поддержало разрушение общины.

Еще более решительно в пользу аграрных преобразований выступали националисты и умеренно-правые. Граф В.А. Бобринский активно защищал столыпинский указ. Отвечая на замечания оппозиции, он развивал мысль об архаичности и бесперспективности существования общины, обосновывая положение о том, что община, существующая в России, является исторически отжившим элементом, искусственно воссозданным госу-

дарством для удобства взимания налогов. «Общины были у всех народов при известных условиях, при известной стадии экономического развития и при известных чисто внешних условиях... Община присуща всем народам в известной стадии развития, и это не есть какая-нибудь особенность нашего племени, которую мы должны беречь и около которой мы должны были бы стоять. Община существовала у всех народов, но у нас община, которую мы имеем в смысле уравнительной податной общины – не есть остаток старины. У нас община уже пережила, уже перестала существовать задолго до того времени, как она искусственно была возобновлена из фискальных целей». В целом, в его речи как и в выступлениях других членов фракции был представлен взгляд на общину как на символ отсталости и главное препятствие на пути к экономическому процветанию. «Основа русского государства, ее сила, ее расцвет – это есть русское крестьянство, но это крестьянство мы желаем видеть свободным и самостоятельным, а не связанным узами, оковами и гнетом общины» [1].

Очень внимательно правительство и пресса следили за выступлением депутатов-крестьян. От фракции выступило немало крестьянских ораторов и их взгляды существенно отличались от взглядов многих крестьян, представлявших другие фракции. В отличие от последних, они приветствовали разрушение общины, которая ставила в полную зависимость свободу отдельных личностей и тем самым мешала развитию сельского хозяйства. Крестьянин Ермолаев спрашивал: «Ведь разве при общинном землевладении крестьяне не находятся в полной зависимости от общины, без согласия которой нельзя ввести какого-нибудь улучшения, какой-нибудь полезной реформы? Община с ее несчастной чересполосицей есть один из главнейших тормозов улучшения сельского хозяйства... Каждый из домохозяев чересполосного участка находился в подчиненных условиях от своих соседей как в отношении севооборота, так и в отношении срока полевых работ. Словом, при чересполосице усиление каждого отдельного хозяина неизбежно задерживается гнетом большинства остальных домохозяев-общинников. Закон дает нам право избавиться от этого несчастного гнета, от этого несчастного второго крепостничества, и я думаю, что вся благоразумная часть крестьянства воспользуется этим законом и с радостью будет приветствовать этот закон как закон, рассекающий крепкие узы крепостничества этой несчастной общины» [2].

Приблизительно в этом же духе высказался и крестьянин Фомкин: «Общинное владение нас угнетавшее...мы хотим сбросить это иго, а сторонники свободы нам этой свободы дать не хотят. Я им скажу, что они сторонники не свободы, а гнета и опеки» [3].

О необходимости разрушения общины в интересах прогресса земледелия говорил Буцкий: «Может ли общинное пользование землей также совершенствоваться в области агрикультуры, как может совершенствоваться единоличное пользование землей? Полагаю, что нет. Я представляю

себе весь ужас кабальной зависимости от общины тех крестьян, которые сознали всю пользу улучшений, когда из-за недостающих голосов на сходе культурные начала не проникают в массу, и гнет невежества толпы подавляет здравый смысл меньшинства [4].

По этому же поводу высказался и отец Волков: «Общинное землевладение ... бесспорно, является одним из препятствий к поднятию производительности земли, так как давит личную инициативу земледельца и причает его надеяться не на одни только свои силы, а на силы и руки кого-то другого» [5].

Необходимо отметить, что выступавшие депутаты-крестьяне были в основном из западных губерний, то есть районов, где общины уже не было или она находилась в стадии разрушения. Для них этот закон фактически фиксировал уже сложившееся положение вещей и давал этому процессу законодательную базу.

С 24 ноября Дума перешла к постатейному чтению законопроекта. Наибольший отклик у националистов вызвала ст.2 законопроекта, которая затрагивала вопрос о личной или семейной собственности на землю. Товарищ министра внутренних дел Лыкошин заявил, что правительство считает принятие принципа личной собственности безусловно необходимым и думает, что если бы была введена семейная собственность, то это было бы худшим игом, чем иго общины. В поддержку правительства высказались граф Бобринский В.А., Коваленко, Беляев, Червинский. Отстаивая принцип личной собственности, Беляев отмечал, что «нельзя в законе объявить, что крестьянин-отец не может отдать своего надельного участка или продать, или заложить без согласия своих сыновей, дочерей. Ни одно писаное законодательство ничего подобного не знает. Семейная собственность есть либо фраза, либо институт патриархального быта, неписаного права, т.е. обычая» [6]. Противники этого правила высказали мнение, что подобный закон окончательно разрушит семейный быт земледельца, приведет к растрате домохозяином его имущества. «Все пропьют», как выражались выступавшие.

В защиту этой статьи выступил П.А. Столыпин, отстаивавший личное право домохозяина распоряжаться землей. Он говорил, что когда мы пишем закон для всей страны, надо иметь ввиду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. В ответ на эти же опасения Червинский замечал: «С этой кафедры нам очень много говорили о пьяных крестьянах, которые, по-видимому, только и ждут закона о личной собственности, чтобы пропить и промотать свою землю. В Юго-западном крае всегда существовало и существует подворное участковое владение на правах личной собственности, как и в Северо-западном крае. Эти губернии сужали такие многоземельные губернии, как Самарская и Саратовская, притом капиталами миллионными, и теперь они в долгу. Этими чертами своего характера крестьяне Юго-западного края, кроме иных всяких причин, разумеется, обязаны так-

же и фактору экономическому, заключающемуся в отсутствии гнета общины и в развитии начал индивидуализма. Трудолюбие, бережливость и чувство личного достоинства возникают на почве личной самостоятельности, возможной лишь при условии личной собственности» [7].

Дальнейшие статьи проекта не вызывали столь обширных прений. Националисты, как правило, присоединялись к поправкам октябристов, как это было, например, с предложением Дмитриюкова. Законопроект был принят голосами центра и правых.

Таким образом, в подходе к оценке указа 9 ноября националисты и умеренно-правые рассматривали эту проблематику существенно шире, акцентируя не только чисто экономические достоинства столыпинского землеустройства, но и освобождение от гнета общины личности крестьянина и утверждения в его сознании принципов неприкосновенности частной собственности. «Мы, провинциалы, – вспоминал В.В. Шульгин, – твердо стали вокруг Столыпина и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли «через волю» они не получают, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли – в «отрубках» и «хуторах»... ибо тогда из вечного Стеньки Разина он станет гражданином» [8].

Литература

1. Государственная Дума. Созыв III. Стенографический отчет. Сессия 2. Часть 1. СПб., 1909. Стб. 491
2. Там же. Стб.851
3. Государственная Дума. Созыв III.Стеногр.отчет. Сессия 2. Часть 2.СПб., 1909. Стб.1253.
4. Государственная Дума. Созыв III.Стеногр.отчет. Сессия 2. Часть 1.СПб., 1909. Стб.1313-1314.
5. Там же. Стб.1320-1321.
6. Там же. Стб.2020-2022.
7. Там же. Стб.2380-2381.
8. Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С.111